

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
1. Причины поведения.....	15
2. Внутренний мир	31
3. Врожденное поведение.....	47
4. Оперантное поведение	63
5. Восприятие.....	97
6. Вербальное поведение.....	117
7. Мышление	135
8. Причины и поводы	157
9. Знание	179
10. Скрытый мир мотиваций и эмоций	193
11. Личность и другие	217
12. Вопрос контроля	245
13. Что же под кожей?	269
14. В заключение	283
Об авторе.....	327
Библиография.....	329

ВВЕДЕНИЕ

Бихевиоризм — это не наука о человеческом поведении, это скорее его философия. Среди вопросов, которые рассматривает бихевиоризм, есть следующие: возможна ли вообще такая наука? Сможет ли она объяснить все аспекты человеческого поведения? Какие методы она будет использовать? Являются ли ее законы столь же достоверными, как законы физики и биологии? Приведет ли она к созданию технологий, и если да, то какую роль они будут играть в человеческой цивилизации? Особенно важно то, как она связана с предыдущими подходами к этой теме. Человеческое поведение — наиболее привычная характеристика мира, в котором живут люди, и о нем было сказано больше, чем о любой другой вещи; что из сказанного стоит учитывать?

В конечном итоге успех или неудача научных исследований станут ответом на эти вопросы. Однако на некоторые из них необходимо получить хотя бы предварительный ответ уже сейчас. Многие умнейшие люди считают, что ответы уже найдены и что все они пессимистичны. Вот, например, некоторые из типичных утверждений о бихевиоризме. Все они, на мой взгляд, ошибочны.

1. Бихевиоризм игнорирует сознание, чувства и душевные состояния.

2. Он игнорирует врожденные таланты и утверждает, что все поведение нарабатывается в течение жизни.
3. Он трактует поведение как просто набор реакций на стимулы, представляя человека как автомат, робота, марионетку или машину.
4. Он не пытается учесть когнитивные процессы.
5. В нем нет места намерению или цели.
6. Он не способен объяснить творческие достижения — например, в искусстве, музыке, литературе, науках или, скажем, в математике.
7. В нем нет места Я или самоощущению.
8. Он непременно поверхностен и не может рассматривать глубины разума и личности.
9. Он ограничивается прогнозированием и контролем поведения и упускает из виду суть человеческого бытия.
10. Он работает на животных, особенно на белых крысах, но не на людях, и поэтому его картина человеческого поведения ограничивается чертами, присущими и людям, и животным.
11. Его достижения в лабораторных условиях не поддаются воспроизведению в повседневной жизни, поэтому все, что он может сообщить о поведении человека в мире в целом, является ничем не подкрепленной метанаукой.
12. Он слишком упрощен и наивен, а его выводы либо тривиальны, либо уже хорошо известны.

13. Он скорее наукообразен, чем научен. Он просто подражает науке.
14. Его технологические достижения могли бы быть достигнуты с помощью банального здравого смысла.
15. Если утверждения этой науки верны, они должны относиться и к самому бихевиористу — таким образом, слова исследователя продиктованы его поведением и не могут быть истинными.
16. Он дегуманизирует человека, носит редуccionистский характер и стирает человеческую суть.
17. Он занимается лишь общими принципами и поэтому пренебрегает неповторимостью отдельного человека.
18. Он неизбежно антидемократичен, поскольку отношения между экспериментатором и испытуемым манипулятивны, и поэтому его результаты могут быть использованы диктаторами, но не людьми с добрыми намерениями.
19. Он воспринимает абстрактные идеи вроде морали и справедливости как вымысел.
20. Он безразличен к теплу и насыщенности человеческой жизни и несовместим с творчеством и наслаждением искусством, музыкой и литературой, а также с любовью к ближним.

Эти утверждения, как мне кажется, представляют собой чрезвычайно непонимание достижений и значения научной деятельности. Как это можно объяснить? Возможно, некоторые проблемы возникли из-за ранней

истории движения. Первым очевидным бихевиористом был Джон Бродес Уотсон, который в 1913 году опубликовал своего рода манифест под названием «Психология с точки зрения бихевиориста». Как видно из названия, он не создавал новую науку, а утверждал, что психология должна сосредоточиться на изучении поведения. Возможно, в этом была стратегическая ошибка. Большинство психологов того времени считали, что изучают психические процессы в мире сознания, и они, естественно, не были склонны соглашаться с Уотсоном. Ранние бихевиористы потратили много времени и не заметили основной проблемы, обрушившись на интроспективное изучение жизни разума.

Сам Уотсон провел важные наблюдения за инстинктивным поведением и был, по сути, одним из первых современных этологов. Но также большое впечатление на него произвели новые данные о том, чему может научиться организм, и он сделал ряд довольно экстремальных заявлений о потенциале новорожденного человека. Сам он назвал их преувеличениями, но с тех пор они используются для его дискредитации. Его новая наука тоже, так сказать, родилась преждевременно. Тогда было все еще крайне мало установленных фактов о поведении — в частности, о человеческом поведении. Нехватка данных всегда является проблемой для новой науки, но для смелой программы Уотсона в такой обширной области, как человеческое поведение, это было особенно опасно. Ему требовалось куда больше материала, чем он получил, поэтому неудивительно, что многое из его утверждений выглядело чрезмерно упрощенным и наивным.

Среди имевшихся под рукой поведенческих фактов были безусловные и условные рефлексы, и Уотсон их

максимально использовал. Но рефлекс предполагал тип причинности, недалеко ушедший от концепции механизма, как это представлялось в девятнадцатом веке. Работы русского физиолога Павлова, опубликованные примерно в то же время, произвели похожее впечатление, и «оно не изменилось, несмотря на модель» «стимул – реакция», возникшую в течение следующих трех или четырех десятилетий.

Естественно, Уотсон выделял наиболее воспроизводимые результаты, какие только мог найти, а большинство из них были получены на белых крысах и собаках Павлова. Похоже, Уотсон подразумевал, что поведение человека не имеет никаких отличительных черт. И чтобы подкрепить заявление о том, что психология — это наука, и подтвердить свои исследования, он заимствовал данные из анатомии и физиологии. Павлов придерживался той же линии, настаивая, что его поведенческие эксперименты — это «исследование физиологической активности коры головного мозга», хотя ни тот ни другой не могли указать ни на одно непосредственное наблюдение нервной системы, проливающее свет на поведение. Они также были вынуждены поспешно интерпретировать сложное поведение: Уотсон утверждал, что мышление — это просто субвокальная речь, а Павлов считал язык «второй сигнальной системой». Уотсону практически нечего было сказать о замыслах, целях или творческой деятельности. Он подчеркивал технологические перспективы науки о поведении, но его примеры были несовместимы с манипулятивным управлением.

С тех пор как Уотсон опубликовал свой манифест, прошло более шестидесяти лет, и за это время случилось многое. Научный анализ поведения достиг значи-

тельного прогресса, и недостатки в изложении Уотсона теперь, как мне кажется, представляют главным образом исторический интерес. Критика тем не менее не претерпела значительных изменений. Все перечисленные выше недоразумения можно найти в современных публикациях философов, теологов, социологов, историков, литераторов, психологов и многих других. Заблуждения ранней истории движения вряд ли могут служить достаточным объяснением.

Некоторые проблемы, несомненно, возникают из-за того, что человеческое поведение — очень деликатная область. Трудно переоценить значение нашего взгляда на самих себя, и бихевиористская концепция может потребовать несколько нелицеприятных перемен в этой области. Более того, термины, возникшие из ранних формулировок, глубоко вошли в наш язык, и мы уже несколько веков используем их как в профессиональной, так и в обычной литературе. Но было бы несправедливо утверждать, что критики не в состоянии освободиться от этих исторических предрассудков. Должна быть другая причина, почему бихевиоризм как философия науки о поведении до сих пор так серьезно недопонимается.

Я полагаю, что причина в следующем: неправильно понимается сама наука. Существует множество различных направлений науки о поведении, и некоторые из них, как я покажу позже, ограничивают эту область, не затрагивая важные бихевиористские вопросы. На перечисленные выше критические замечания наиболее эффективно отвечает специальная дисциплина под названием «экспериментальный анализ поведения». Поведение отдельных организмов изучается в тщательно контролируемых условиях, после чего устанавливается

связь между поведением и средой. К сожалению, за пределами этой науки о таком анализе известно немного. Наиболее активные исследователи, а их сотни, редко пытаются объяснить свои знания неспециалистам. В результате мало кто знаком с научной базой того, что, на мой взгляд, является наиболее убедительным изложением бихевиористской позиции.

Представленный мною в этой книге бихевиоризм — философия этой особой версии науки о поведении. Читатель должен знать, что не все бихевиористы согласятся с тем, что я скажу. Уотсон говорил как представитель бихевиоризма, и в свое время он *был* бихевиористом, но в наши дни никто не возьмется считать так же. Все изложенное далее отражает мое личное мнение — и, как бихевиорист, я обязательно должен это уточнить. Однако я надеюсь, что это последовательное и связанное изложение адекватно отвечает на критику, перечисленную выше.

Этому исследованию я придаю важное значение. Ведь основные проблемы, стоящие сегодня перед миром, могут быть решены только в том случае, если мы сможем лучше понимать поведение человека. Традиционные взгляды существовали на протяжении веков, и справедливо будет сказать, что они оказались несостоятельными. Они в значительной степени ответственны за ситуацию, в которой мы сейчас оказались. Бихевиоризм предлагает многообещающую альтернативу, и я написал эту книгу в попытке разъяснить его позицию.

ПРИЧИНЫ ПОВЕДЕНИЯ 1

Почему люди ведут себя так, как они себя ведут? Вероятно, сначала это был чисто прикладной вопрос: как можно предугадать действия другого человека и, следовательно, подготовиться к ним? Позже специалистов стало больше интересоваться, как можно подтолкнуть другого человека вести себя определенным образом? В конце концов возникла проблема понимания и объяснения поведения как такового. Ее всегда можно свести к вопросу о причинах.

Мы склонны утверждать, часто опрометчиво, что если одно событие следует за другим, оно, вероятно, было им вызвано — следуя древнему принципу *post hoc, ergo propter hoc* (после этого, следовательно, по причине этого). Из многих примеров, которые встречаются при объяснении человеческого поведения, один особенно важен. Человек, с которым мы знакомы лучше всего, — это мы сами; многие вещи, которые мы наблюдаем в себе и своем теле перед каким-то действием или реакцией, легко принять за причины нашего поведения. Если нас спросят, почему мы так резко разговаривали с другом, мы можем ответить: «Потому что я разозлился». Это правда, мы почувствовали гнев до или во время разговора, и поэтому мы принимаем